

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии и права Сибирского Отделения Российской Академии Наук Винникова Д.В. на диссертацию Мосенко Михаила Константиновича «Интуиция обыденного сознания: философский анализ», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 - онтология и теория познания.

Диссертация М.К. Мосенко посвящена актуальной теме — анализу природы и специфики такого типа ментальных актов, как акты интуитивные в рамках функционирования такой формы сознания, как сознание обыденное. Автор справедливо указывает, что в настоящую эпоху наблюдается тенденция возвращению обыденного сознания в сферы, из которых оно было вытеснено ранее благодаря просвещению и науке. Феномены иррационализации политической жизни и сферы управления является одной из форм проявления этой тенденции общественного сознания. Несмотря на очевидную социальную актуальность, выбранная тема исследования является достаточно классической, но крайней мере, для нововременной философии, поскольку затрагивает вопросы разграничения различных уровней мышления — эмпирического и теоретического, ассоциативного и логического, мышления по аналогии и мышления дедуктивного и т.п.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. К очевидному достоинству работы относится то, что автору удалось конкретизировать достаточно традиционную тему обыденной формы сознания в нетривиальном ключе, выбрав своим предметом специфику интуиции обыденного сознания. Работа содержит достаточно обширный историко-философский экскурс в заявленную проблематику, автор демонстрирует хорошее владение релевантным историко-философским материалом.

На С. 87 автор делает интересное и нетривиальное утверждение, которое положительно сказывается на оценке работы: «Чувственная и интеллектуальная интуиция — это формы дифференциации мира. Чувственная интуиция разделяет мир на материальные объекты, интеллектуальная интуиция разделяет его на идеальные объекты».

Философское определение прецедента выглядит интеллектуально свежо, оригинально и обоснованно. Описания феноменов фрейминга, праиминга и т.п. «азиатской эпидемии» являются удачными примерами использования конкретно-научных экспериментов для обоснования теоретических взглядов автора. Кстати, следует обратить внимание, что до сих пор в британском военно-морском флоте критерий «удачный капитан» носит формальный характер в личных делах, являющийся существенным основанием для назначения офицера командовать крупным кораблем.

На С.23 автор успешно аргументирует подмену понятий «практическое» и «обыденное». Также следует обратить внимание на то, каким образом автору удалось выявить и обосновать функцию здравого смысла как формы мышления, укорененного в обыденном сознании. Отношение к здравому смыслу носит глубоко полемичный характер в философии, особенно в аналитической, генетически тяготеющей к этой форме мышления. Автору удалось вывести взвешенное самостоятельное суждение о роли этой формы мышления, избежав присоединения к полярным, радикальным точкам зрения.

К несомненным достоинствам работы относится то, что она содержит немало самостоятельных суждений историко-философского характера. Например, на С. 67-68

автор указывает: «Как чувственная, так интеллектуальная интуиция некогда оценивались мыслителями средневековья, интуитивное знание считалось неполным и вероятностным».

Утверждение на С.87 «Обыденная интуиция — это форма интеллектуальной интуиции, поскольку последняя подразумевает способность к опознанию классов ситуаций — её суть это переход от частного к общему» носит контринтуитивный, но глубокий аргументированный характер. Способность к подобному рода выводам, вне всякого сомнения, делает честь соискателю. В целом работа написана хорошим академическим языком, аргументация автора носит ясный и логичный характер.

Обратим внимание на недостатки диссертационного исследования. Смысл постановки задачи исследования под номером 5: «Разграничить влияние инстинкта и интуиции на обыденное сознание, уточнить характер и причины этого различия» не вполне обоснована с точки зрения заявленной цели исследования. Автор неплохо демонстрирует технику сравнения философских понятий интуиции и инстинкта, однако эта техника выглядит не более чем формой упражнения в метафизических рассуждениях.

Положение, являющееся на защиту под номером 4, содержит фразу: онтологический подход (чувственная интуиция, интеллектуальная интуиция, мистическая интуиция, и т.п.), в рамках которого интуиция объясняется с точки зрения её природы и источника». Действительно, объяснение природы феномена является онтологическим, однако объяснение, апеллируя к источнику носит теоретико-познавательный характер. Таким образом, автор смешивает онтологический и гносеологический способы рассуждения, по крайней мере, по формальным критериям изложения материала.

Автор обоснованно утверждает, что обыденное сознание — это режим работы сознания, сформировавшийся и функционирующий в ситуации устойчивых, повторяющихся условий, т.е. в ситуации обыденности. К сожалению, автор работы опускает взгляд на обыденное сознание, согласно которому оно является характерным типом ментального состояния, а именно — состоянием головного мозга человека. Для этого ментального состояния характерен низкий уровень нейрофизической когеренции, в отличие от когнитивных ментальных состояний, соответствующих формально-логическому мышлению.

На С.23 автор пишет: «Для нас на данном этапе важно не столько определить черты обыденного знания, сколько отграничить его от понятия «обыденное сознание» и показать, что первое включается во второе в качестве элемента системы». Использование термина «система» выглядит не достаточно ясным. О какой системе идет речь? О концептуальной системе или о системе взаимодействия реальных форм сознания? Можно предположить, что автор замечает концептуальный каркас т.п. системного подхода, однако этот подход не является уместным для описания концептуальных систем.

Автор приводит корректные упоминания различия знания и доксы в античной философии, однако не упоминает т.п. «пистис», что положительно бы сказалось на полноте представляемого материала.

Также к недостаткам работы следует отнести избыточно-схоластическую стилистику и склонность автора к философическому эссеизму. Особенно это характерно для первой главы, в которой используется большое количество грамматических форм, а именно существительных, сконструированных из прилагательных, что является признаком метафизических понятий в том негативном смысле, на который указывали позитивисты, например Р. Карнал в известной статье «Преодоление метафизики логическим анализом языка». Автор явно злоупотребляет словосочетаниями «сущностные характеристики», «сущностные черты» и т.п. Впрочем, следует признать, что подобного рода приверженность континентальному стилю философствования компенсируется научно-естественными примерами и демонстрациями, корректными упоминаниями аргументов тех же аналитических философов, включая Р. Карнала. Автору удается балансировать между формальной метафизикой и формальной аналитической философией без существенного ущерба содержательности изложения материала.

Автор упоминает взгляды Э. Гуссерля и, весьма корректно, однако опускает анализ различия между естественной и феноменологической установками отношения соответствующим обыденной форме сознания и радикальной критической. Следует отметить, что эта дилекция носит самый фундаментальный характер в концепции трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, являвшегося наиболее влиятельным защитником точки зрения, согласно которой нет фундаментальной разницы между научной и обыденной формами мышления. Это весьма важно, поскольку на С.33 автор справедливо указывает: «Вообще представление о том, что научное сознание – это именно продукт эволюции обыденного, основанного на здравом смысле знания, а не контрастный и чуждый по отношению к нему тип познания нередко встречается в западной литературе».

На С.39 содержится утверждение: «Если отбросить ситуации патологии или иные ситуации изменённого сознания (для которых, так или иначе, обыденное сознание всё равно выступает субстратом)». Не вполне понятно, что автор понимает под субстратом, почему обыденное сознание является субстратом ИСС и в каком смысле? Использование этого термина представляется не вполне уместным для содержания по данной тематике.

На С.41 автор пишет: «Задача выявления собственных качеств обыденности оказалась неожиданно сложной, во всей видимости, в виду aberrации близости, вызываемой предельно минимальной дистанцией между рассматриваемым обыденностью субъектом и самой обыденностью. Даже говоря о дистанции, мы вынужденно используем условности: исследователь сам с неизбежностью проживает обыденность, включает в неё, не всегда ясно различая её свойства из-за привычности, а потому с трудом способен описать». Это крайне странное утверждение для философа, если под философией, конечно, понимать способность субъекта к рефлексивному абстрагированию от довлеющего содержания. Способность к рефлексии и абстрагированию, несомненно является трудной мыслительной операцией, доступной не всякому уму, но вряд ли неожиданно сложной, ибо её специфика известна с самых истоков философии.

На странице 42-43 утверждается: «Обыденность – есть обыденность» - псевдотавтологическое определение, которое говорит нам о чём-то гораздо большем, чем то, что мы неспособны её высказать». Это ложное утверждение. «Обыденность – есть обыденность» является именно тавтологией в самом ни на что есть подлинном смысле этого слова.

На С.126 автор пишет: «Проблема понимания обыденного сознания особенно актуальна на рубеже XX-XXI веков, когда мы наблюдаем экспансию обыденного сознания в науку, культуру и религию, т.е. сферы, значительно обособленные от него и обслуживаемые специальными типами сознания, что вызывает появления таких гибридных форм духовного производства как псевдонаука, поп-культура, квазирелигиозность». Общий смысл суждения понятен и достоверен, достоин вынесения в обоснование актуальности работы, однако, не вполне понятно, что означает т.н. «квазирелигиозность»? Если апеллировать к К. Марксу, религия, как и идеология являются ложными формами сознания, следовательно понятие квазирелигиозности является избыточным по отношению к понятию религиозности, поскольку сама по себе религиозность не является подлинной формой сознательной жизни человека.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают высокой оценки диссертации. Диссертация посвящена актуальной и современной тематике; научные положения, выносимые на защиту являются глубоко обоснованными достоверными; выводы логически и содержательно аргументированы, рекомендации представляют ценность для философского знания; сформулированные положения и выводы обладают достоверностью и новизной. Основные результаты исследования в полной мере отражены в публикациях автора, также автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что содержание диссертации М.К. Мосемко «Интуиция обыденного сознания: философский анализ» соответствует специальности 09.00.01. —

онтология и теория познания, по которой она представлена к защите, а также требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», и ее автор М.К. Мосиенко заслуживает присуждения искомой степени кандидата философских наук.

Винник Дмитрий Владимирович
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Почтовый адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, к.403
Телефон: 8 383 330-52-35
E-mail: dvinstor@gmail.com

Б.С.С. / Т.Ю.С.С.С.